

был поддержан некоторыми членами Государственного Совета и Синода. Основными вопросами в Думе были военный и национальный, при этом Думе позволялось решение лишь незначительных проблем. Позиция блока по отношению к государственной власти привела к политическому кризису 1916 г., стала одной из причин Февральской революции и собственно роспуска IV Думы.

Как видно из представленного примера модель строительства института парламентаризма в России очень динамична, отсутствие первоначального опыта строительства демократических институтов власти приводило к большим изменениям социального состава депутатов. Такая ситуация является доказательством того, что приход к власти различных сил способен выявить насущные проблемы государства, однако их решения не могут быть приняты из-за отсутствия политической преемственности. Создание институтов народовластия, как инструмента решения кризисных явлений, требует создания политических объединений, охватывающих все слои населения и имеющие конкретные программы действий.

Литература

1. *Алескеров Ф. Т.* Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи (1905–1917 гг.) / Ф.Т. Алескеров, А.С. Кравченко. М., 2005.
2. *Смирнов А. Ф.* Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.
3. Российские парламентарии в начале XX века [Электронный ресурс]. Интернет-адрес: http://helios.psu.ru/pls/parlament/first_page.html.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЕЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И КОРОЛЕВСТВЕ ШВЕЦИИ

А. А. Шмагун

Цель исследования – обобщить опыт США и Швеции в области правового регулирования электронных документов (ЭД) и электронных подписей (ЭП) с возможностью его использования в Республике Беларусь.

Выбор в исследовании законодательного опыта США и Швеции объясняется тем, что данные страны занимают передовые позиции в мировом рейтинге по индексу развития информационно-коммуникационных технологий и по индексу готовности электронного правительства, США являются родоначальником развития правовой базы в данной области, также страны кардинально отличаются как по форме правления (президентская республика и конституционная монархия), форме государственного устройства (федерация и унитарное государство), правовой сис-

теме (англосаксонская и романо-германская), так и по законодательному подходу в области ЭД и ЭП (минималистский и смешанный).

Правовую основу законодательства США в области регулирования ЭД и ЭП составляют Федеральный закон США «Об электронных подписях в глобальной и национальной торговле» [1]; Модельный закон об электронных сделках [2]; локальные законы штатов. В Швеции в данной области действуют Директива 1999/93/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 декабря 1999 г. о порядке использования электронных подписей в Европейском Сообществе [3]; Закон Швеции «О квалифицированных электронных подписях» [4] и иные подзаконные акты.

Для США характерен *технологически нейтральный (минималистский)* подход в области правового регулирования ЭД и ЭП, который законодательно не навязывает использование определенной технологии создания ЭП, предоставляя участникам электронного взаимодействия право выбора. При этом сами понятия ЭД и ЭП трактуются максимально широко (акцент только на электронном способе представления информации). Данный подход позволяет использовать новые технологии, появляющиеся на рынке, без существенных изменений законодательства, однако требует применение норм договорного права при отсутствии таковых в законодательстве. Для правового режима ЭД и ЭП в Швеции характерен более строгий, чем в США *смешанный (гибридный)* законодательный подход. Де-юре существует техно-логическая нейтральность: законодатель вводит относительно широкое понятие ЭП, различные виды ЭП (ЭП в широком смысле, усиленная ЭП, квалифицированная ЭП), предоставляя свободу в выборе технологии. Де-факто законодатель стимулирует применение только квалифицированной ЭП (КЭП), основанной на технологии криптографии открытым ключом (РКИ), путем определения ее правового статуса и установления к ней жестких законодательных требований определения надежности, соответствие которым проверяется государственными органами. В частности, такие требования устанавливаются к сертификатам КЭП; удостоверяющим центрам (УЦ), выдающим такие сертификаты (например, необходимость уведомления и получения разрешения Государственного управления связи и телекоммуникаций Швеции для открытия такого УЦ в качестве юридического лица, расширенная ответственность к возмещению ущерба и т.д.); а также к “защищенным средствам создания КЭП”, которые должны быть обязательно сертифицированы на соответствие общеевропейским техническим стандартам.

В рассматриваемых странах существуют различные условия признания юридической эквивалентности ЭД и ЭП с их традиционными аналогами. Так, в США в коммерческом обороте за ЭД и ЭП признается

равная юридическая сила с их традиционными аналогами, хотя существуют и определенные исключения (например, завещания, документы в области семейных отношений), которые были добавлены в связи с опасениями, что электронное взаимодействие пока не достаточно надежное для данных операций. В Швеции только для КЭП законодатель устанавливает потенциальную возможность ее признания юридически эквивалентной собственноручной подписи. Однако такая эквивалентность не является автоматической, а только в случае, когда законодательство разрешает обмен документами с помощью электронных средств.

В США либеральный подход в области ЭД и ЭП характерен также и в судебной практике, которая имеет там немаловажное значение. Американские суды в большинстве случаев склоняются к расширенному толкованию норм известного для стран англосаксонской правовой системы Закона «О мошенничестве», касающихся письменной формы и подписи. Т.е. суды оценивают в первую очередь намерения сторон заключить договор, а не форму их действий и признают в качестве доказательств практически все виды ЭД и ЭП. Судебная практика в Швеции показывает, что суды более строго толкуют нормы законодательства в отношении признания юридически значимых ЭД и ЭП, в том числе признания КЭП, удовлетворяющей требованиям наличия собственноручной подписи.

В отношении признания иностранных ЭП Федеральный закон США закрепляет отсутствие дискриминации к ЭП любого вида иностранных юрисдикций. Т.е. стороны международной электронной деловой сделки самостоятельно устанавливают на основе соглашения приемлемые технологии ЭП. В Швеции законодательно урегулирована только возможность трансграничного признания КЭП, выданной квалифицированным УЦ, соответствующим требованиям законодательства Швеции, и только в рамках государств-членов Европейского союза (ЕС).

Как законодательство США, так и законодательство Швеции гарантируют возможность введения дополнительных требований к ЭД и ЭП при электронном обмене информацией в государственном секторе. В частности, в США в данной области действует хорошо развитая система Федерального мостового удостоверяющего центра, основанная на PKI. В целом же можно констатировать, что наибольшее распространение в США получают решения, не основанные на PKI (например, ЭП на основе SaaS-технологии – программное обеспечение как услуга, разновидность “облачных” услуг).

В Швеции наибольшей популярностью пользуются усиленные ЭП (например, электронные идентификационные карты), которые основаны на PKI, представляют надежность подписываемым данным, но значительно проще в использовании, чем КЭП. Несмотря на то, что правовой

статус КЭП более-менее определен, а в отношении других видов ЭП он весьма расплывчатый, на практике КЭП не получили должного распространения в Швеции. Это обусловлено следующими причинами: проблема интероперабельности, сложности в использовании для лиц, не имеющих соответствующих технических навыков (при этом сложности в понимании технической сущности КЭП часто возникают также у судей и юристов), необходимость инсталлирования дополнительного программного обеспечения, дороговизна приобретения КЭП, что не оправдывает себя во всех случаях электронного взаимодействия. Наглядным примером служит то, что до 2008 г. в Швеции вообще не существовало УЦ, выдающих квалифицированные сертификаты (в настоящее время только один УЦ). Тем не менее, было выявлено, что КЭП вполне находят свое применение при трансграничном электронном взаимодействии в рамках общеевропейского электронного правительства, где они служат своеобразным “паспортом”, который гарантирует применение в каждом государстве-члене ЕС тех же правил, что применяются в отношении собственноручной подписи. Примечательно также то, что в Швеции все виды ЭП выдаются только частным сектором (чаще банки).

Оценивая в целом два подхода в области ЭД и ЭП в США и Швеции, можно сказать, что каждый из них имеет и свои несовершенства. Так, в США многообразие юрисдикций, субъектов правотворчества и источников права, а также определенная самостоятельность штатов в данной области препятствуют установлению полного единообразия правовых норм и подходов (например, не все штаты внедрили в свое локальное законодательство нормы федеральных законов). Это, в свою очередь, приводит к проблеме преимущественного права федеральных и местных источников при решении судебных споров. В Швеции, несмотря на большую четкость, структурированность и единообразие правовой системы в рассматриваемой области, есть неопределенность на практике в юридическом статусе различных видов ЭП, отличных от КЭП.

Сравнительный анализ показал, что идеального законодательного подхода в области рассматриваемых правоотношений нет. Тем не менее, положительный законодательный опыт каждой из этих стран может быть использован для дальнейшего усовершенствования правового регулирования электронных документов и электронных цифровых подписей в Республике Беларусь. При рассмотрении данного вопроса следует учитывать ряд объективных факторов: Республика Беларусь является унитарным государством; Республика Беларусь относится к романо-германской правовой семье; В Республике Беларусь не получил должного развития институт договорного права, который позволяет США использовать максимально либеральный подход в регулировании ЭД и

ЭП; Российская Федерация, партнер Республики Беларусь в рамках Союзного государства, выбрала путь Швеции.

Из этого вытекает, что для Республики Беларусь целесообразно было бы воспринять опыт Швеции, но с определенными корректировками. В частности, желательно четко разграничить электронные сделки с использованием ЭП в государственном секторе (например, в рамках электронного правительства) и в частном секторе (например, электронная торговля). В отношении последних должны быть достаточно либеральные нормы, как в законодательстве США. Также в основном законе, регулирующем отношения в области ЭД и ЭП, целесообразно прописать нормы, касающиеся правового статуса не только КЭП (что наблюдается в Швеции), но и остальных видов ЭП для равной возможности их использования с юридической точки зрения.

Литература

1. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act // PUBLIC LAW 106–229. JUNE 30, 2000. 114 STAT. P. 464–476.
2. Интернет-адрес: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/electronic%20transactions/ueta_final_99.pdf.
3. Интернет-адрес: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:013:0012:0020:EN:PDF>.
4. Интернет-адрес: <https://lagen.nu/2000:832>.
5. *Brazell L.* Electronic signatures law and regulation. London, 2004.